

Как медленно он ни шёл, всё равно добрался до студии. Лян Сычжэ всё ещё раздумывал, идти ему к Цао Е или взять такси и уехать в какое-нибудь тихое место, когда Цао Е, выглянув из восьмого павильона, заметил его. Он высоко поднял руку и помахал:

— Лян Сычжэ, иди сюда! — он понизил голос, вероятно, чтобы не услышали Чжэн Инь и другие.

Лян Сычжэ пошёл к нему, еле переставляя ноги, держа руки в карманах и слегка покачиваясь. Когда до павильона оставалось несколько шагов, Цао Е нетерпеливо выбежал ему навстречу, схватил за руку и быстро повёл внутрь:

— Почтенный, ты чего так медленно!

— Что случилось? — спросил Лян Сычжэ, следуя за ним, как на буксире. «Молодой господин, ты ведь тоже слышал тот разговор, как ты можешь быть таким беззаботным?» — подумал он. А потом вспомнил, что Цао Е — единственный сын режиссёра Цао Сююаня, который, вероятно, с самого начала и не думал, что кто-то может представлять для него хоть какую-то угрозу...

— Так и не догадался, зачем я выходил? — Цао Е затащил его в комнату у входа, отпустил, подошёл к дивану, взял что-то, а затем, словно ведущий новогоднего шоу, разворачивающий свиток с поздравлением, развернул джинсы, держа их за пояс, и с гордым видом, словно ожидая похвалы, предъявил Лян Сычжэ. — Сюрприз! Я купил тебе новые джинсы!

Лян Сычжэ ошарашенно уставился на новые джинсы в руках Цао Е. Его речевой аппарат впервые дал сбой: он не смог подобрать слов.

— Классные, правда? — видя, что Лян Сычжэ молчит, Цао Е посмотрел на джинсы, держа их за пояс.

Джинсы действительно были хороши: светло-голубые, с дизайнерскими потёртостями, а логотип на поясе красноречиво говорил об их немалой цене.

— А... — речевые функции Лян Сычжэ ещё не полностью восстановились.

Видя, что лицо Лян Сычжэ не изменило выражения, Цао Е немного расстроился:

— Ну, в любом случае, они лучше этих, грязных.

Лян Сычжэ наконец пришёл в себя и выдавил улыбку:

— Нет, они действительно очень красивые.

Цао Е тут же воспрял духом и слегка ударил себя кулаком в правое плечо:

— Я же говорил, что у меня хороший вкус! — он протянул джинсы Лян Сычжэ. — Быстрее, переодевайся, пока никого нет, — с этими словами он подошёл к двери, выглянул наружу, а затем запер её.

Лян Сычжэ взял джинсы, сел на диван и, наклонившись, снял с себя влажные штаны. На улице было жарко, и за это время они почти высохли. Грязная вода оставила на коже разводы. Лян Сычжэ провёл по одному рукой и вдруг почувствовал, что злиться на Цао Е неразумно. Как бы там ни было, этого мальчишку невозможно ненавидеть.

— У тебя же нет денег, — надевая новые джинсы, он чувствовал, что должен хоть что-то сказать.

— Ну... У меня нет наличных, — ответил Цао Е, стоя у окна и глядя на улицу. Он потёр переносицу. — Есть карта, но всё никак не удавалось снять с неё деньги, поэтому я и обедал с тобой. За джинсы можно было расплатиться картой.

— И сколько они стоили? — как бы невзначай спросил Лян Сычжэ. Если много, это было бы

довольно болезненно...

— Ты же не собираешься вернуть мне деньги? — Цао Е, догадавшись о причине вопроса, поспешно замахал руками. — Забудь об этом. Мой отец всегда предъявляет какие-то неразумные требования. Если бы не он, твои штаны не испачкались бы. Не бери в голову...

Лян Сычжэ встал, застегнул молнию, затем наклонился, снял ремень со старых штанов и, взглянув на Цао Е, улыбнулся:

— Хочешь подкупить меня от имени своего отца?

— Нет... Мне нет до этого дела, — Цао Е скривил губы. — На других мне плевать, но мы же друзья.

Лян Сычжэ продел ремень в шлёвки и, услышав это, замер:

— Хм... друзья.

— И, — голос Цао Е был полон нескрываемого энтузиазма, — раз уж мы выбрались, то должны воспользоваться случаем и вкусно поесть! В грязных джинсах ты точно не захотел бы идти со мной... Эй, я знаю один японский ресторанчик неподалёку с отличными блюдами. Как насчёт того, чтобы поужинать там сегодня вечером? Я угощаю...

Его речь прервал грубый стук в дверь, и снаружи раздался сердитый голос мужчины:

— Кто там? — он попытался открыть дверь, но она была заперта. — Что вы там делаете? Выходите! — он снова начал громко стучать.

— Кто-то пришёл! — Цао Е понизил голос и спросил Лян Сычжэ. — Ну что, переоделся?

— Почти, — Лян Сычжэ возился с ремнём. — Сейчас.

Мужчина снаружи снова сердито крикнул:

— Быстрее выходите! Не заставляйте меня выламывать дверь!

— Дядя, мы выйдем через секунду! — крикнул Цао Е в сторону двери, затем подошёл и помог Лян Сычжэ застегнуть ремень.

Раздался звук поворачивающегося в замке ключа, и в следующую секунду дверь распахнулась. На пороге стоял лысый мужчина с суровым лицом. Увидев двух подростков, стоящих близко друг к другу, один из которых наклонился, застёгивая ремень, выдавший виды охранник сначала опешил, а затем гневно сжал в руке электрошокер.

Цао Е поднял голову и с невинной улыбкой обратился к мужчине:

— Дядя, мы просто хотели...

Но мужчина не поддался на уловку и сердито посмотрел на них:

— Выметайтесь отсюда! Чем это вы тут занимаетесь?! [1]

[1] 偷鸡摸狗 (tōu jī mō gǒu) дословно переводится как «красть кур и гладить собак». а) брать, что плохо лежит; вор; б) вести бесчестный образ жизни; втайне заниматься развратом.

— Чем... — нахмурился Лян Сычжэ, но его перебили.

— Я таких, как вы, навидался! — охранник, не дав им и слова сказать, погнал их из комнаты, размахивая электрошокером. — Пошли вон! Я видел, как вы сюда прошмыгнули, и сразу понял, что вы тут замышляете недоброе, — он ткнул в их сторону электрошокером. — Чего стоите? А ну, пошли вон! Хотите получить разряд?!

— Что, по-вашему, мы сделали? — Лян Сычжэ шагнул к нему.

— Сами знаете! — рявкнул охранник, уверенный в своей правоте.

Видя, что вот-вот начнётся драка, Цао Е почувствовал неладное. Если дело примет серьёзный оборот и привлечёт внимание дяди Иня и остальных, потом от них не отвертишься. Он поспешил остановить Лян Сычжэ — обнял его за плечи и повёл прочь:

— Дядя, мы сейчас уйдём...

Выйдя, они обнаружили, что съёмочная площадка, которая несколько минут назад была пуста, теперь заполнилась десятками молодых актёров массовки. Мужчины и женщины повернулись к ним, с открытыми ртами наблюдая, как разъярённый охранник с электрошокером выгоняет двух подростков, которые занимались внутри «непотребством». Охранник же, словно из пулемёта, выдавал поток пекинских ругательств, заглушая Цао Е, который пытался оправдаться: «Нет... ничего не было... Вы ошибаетесь...». Он, не разбираясь, выгнал обоих из павильона, напоследок грозно крикнув им вслед:

— Я таких, как вы, навидался! В таком юном возрасте заниматься такими грязными делишками! Убирайтесь!

Стоя снаружи, Лян Сычжэ кипел от гнева. Он не мог выпустить пар в драке с охранником, но и на Цао Е, помня, что тот потратил кучу денег на его новые джинсы, не мог выместить злость. Поэтому он лишь раздражённо сказал:

— Слушай, молодой господин, ты слишком беспечен. Как ты мог позволить ему так нас оклеветать?

Но Цао Е резонно возразил:

— Ну... Если бы мы подняли шум и привлекли моего отца и остальных, смогли бы мы сегодня вечером поесть суши?

Лян Сычжэ озадаченно посмотрел на него:

— Суши настолько важны?

— Ага, — кивнул Цао Е. — Там очень вкусно! И потом, мы зашли без разрешения, а охранник подумал, что мы хотим что-то украсть. Это нормально...

— Что украсть? — Лян Сычжэ чуть не рассмеялся от злости. — Ты решил, он просто подумал, что мы хотим что-то украсть?

— А разве нет?.. — недоумённо спросил Цао Е. — Он же сказал «воровать кур и гладить собак», то есть воровать.

Лян Сычжэ посмотрел на него:

— У тебя точно восьмой уровень китайского?

— А что ещё он мог подумать? — недоумевал Цао Е.

Лян Сычжэ покачал головой:

— Ладно забудь. Пусть это будет воровство.

Цао Е быстро прокрутил в голове произошедшее — и вдруг всё понял. Он воскликнул:

— А! Так он подумал, что мы...

— Да, — перебил его Лян Сычжэ, — именно так, как ты сейчас понял.

— Вот оно что... — Цао Е хлопнул себя по лбу. — Какое недоразумение...

Заходящее солнце всё ещё ярко светило, отбрасывая на землю длинные тени двоих подростков. Они шли в неловком молчании, опустив головы.

— Твои старые штаны... — заговорил спустя некоторое время Цао Е.

— А, я забыл их, — ответил Лян Сычжэ, не дав ему закончить.

— Вернёмся за ними?..

— Не сто́ит.

Возвращаться было бы неловко, ведь те актёры массовки наверняка сейчас обсуждают их. Подумав, Цао Е сказал:

— Я потом куплю тебе ещё одни.

Гнев Лян Сычжэ уже утих, и, услышав это, он рассмеялся:

— Ты обычно именно так девушек охмуряешь?

— Нет, я никогда не покупал девушкам одежду, — начал оправдываться Цао Е. — Это первый раз, когда я купил кому-то одежду!

— Правда?.. Размер идеально подошёл.

— Мы же примерно одного роста, я просто взял свой размер...

— Ага, спасибо, — Лян Сычжэ посмотрел вперёд. — Где этот японский ресторан?

— Примерно в километре отсюда, — Цао Е кивнул в сторону дороги. — Недалеко, скоро дойдём.

Лян Сычжэ кивнул.

Японский ресторан был оформлен в изысканном стиле. Войдя, они сразу погрузились в приятную прохладу кондиционеров. Официант проводил подростков к столику у окна. Цао Е взял меню и начал его изучать. Закончив, он подвинул меню через стол к Лян Сычжэ:

— Выбирай, что ты хочешь.

У Лян Сычжэ не было аппетита. И он отодвинул меню:

— Заказывай сам.

— Хорошо. Тогда ещё одну порцию этого, — Цао Е указал на меню официанту. — Этого... и этого. Сначала подайте вот это.

— Что-нибудь из напитков? — спросил официант, записав заказ. — Они на обратной стороне меню.

Цао Е перевернул меню, пробежался по нему взглядом и остановился на правом нижнем углу:

— Один вишнёвый, один ежевичный, один малиновый... Ладно, давайте по одному каждого вкуса.

— Хорошо, — ответил официант.

Цао Е постучал по столу перед Лян Сычжэ:

— А ты что будешь?

— Мне просто воды со льдом, — ответил Лян Сычжэ, безразлично глядя на машины, проезжающие за окном.

Цао Е вернул меню официанту и повернулся к Лян Сычжэ. Он хотел что-то сказать, но, взглянув на лицо Лян Сычжэ, растерял все мысли, кроме одной: «Какие длинные ресницы». Чуть загнутые, они трепетали каждый раз, когда Лян Сычжэ моргал. В этот момент на дереве

за окном пели цикады, и эти ресницы напомнили ему тонкие крылья цикад. Взгляд Цао Е скользнул с ресниц на левую руку Лян Сычжэ, лежащую на столе. Длинные пальцы с чёткими суставами, без видимых следов травмы. Почему же он больше не может играть на скрипке?

Лян Сычжэ, оторвав взгляд от улицы за окном, повернулся и заметил, что Цао Е пристально разглядывает его левую руку. Посмотрев на него пару секунд, Лян Сычжэ сказал:

— Спрашивай, если интересно.

Цао Е очнулся и понял, что беспардонно таращился на его руку. Об этом Лян Сычжэ точно не хочет говорить. Он отвёл взгляд и потёр лоб:

— Да мне и спрашивать нечего...

— Спрашивай, что хочешь знать, — сказал Лян Сычжэ безразличным тоном. — Что с пальцами? Правда ли, что я больше не могу играть на скрипке? Как это случилось? Это ты хочешь спросить?

— Не нужно заставлять себя говорить об этом, — Цао Е не хотел в глазах Лян Сычжэ стать как те люди из павильона. — Если бы я хотел спросить, я бы спросил две недели назад...

Настал черёд Лян Сычжэ недоумевать:

— Две недели назад?... Значит, ты давно знал, что я раньше играл на скрипке?

— Угу... — ответил Цао Е.

— Ты спрашивал у дяди Иня? — обращение «дядя Инь» по-прежнему казалось Лян Сычжэ слишком фамильярным и вызвало у него дискомфорт.

— Нет, — поспешно ответил Цао Е, — я догадался...

— Хм? — Лян Сычжэ был слегка удивлён. — Как?

— В тот вечер, когда я забрался на крышу и увидел, как ты играешь на гитаре, — честно признался Цао Е. — Ты играл «Дьявольскую сонату»: ты чётко помнил партитуру и перебирал струны левой рукой. Я подумал... вряд ли человек, никогда не игравший на скрипке, просто от скуки выучил эти ноты...

Вот как... Лян Сычжэ горько усмехнулся. Он зря расслабился тем вечером — Цао Е так быстро догадался. Он спросил:

— Почему ты тогда не спросил меня об этом напрямую?

Цао Е сложил руки на столе и нервно теребил тыльную сторону одной руки пальцами другой, словно провинившийся школьник. Он посмотрел в окно и тихо сказал:

— Ты тогда выглядел так, будто хотел сказать: «Не спрашивай, а то я спрыгну». Как я мог лезть в душу в такой момент...

«Неужели я тогда выглядел так ужасно? А я-то думал, что хорошо притворяюсь», — подумал Лян Сычжэ.

— Значит, ты тогда догадался и про мои пальцы? — снова спросил Лян Сычжэ.

— Угу, — ответил Цао Е. — Но это были только догадки... Ты был так расстроен, что забрался на крышу и играл на гитаре скрипичную пьесу. Я подумал, это как-то связано со скрипкой.

Лян Сычжэ опустил голову и горько усмехнулся, а затем почти неслышно вздохнул: этот молодой господин напротив... удивительно умный и удивительно добрый.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130231>